

ОТРЫВОК ИЗ “КРАТКОГО ОБЗОРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ЗА 1827 ГОД”

...б. *Крепостные* (крепостное состояние). Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда. Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами и живя с согласия своих господ в городах, крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия. Надо заметить, что всякий крепостной, которому удалось своим трудом скопить несколько тысяч рублей, употребляет их прежде всего на то, чтобы купить себе свободу. Они хорошо знают, что во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находятся в состоянии рабства; все остальные: финны, татары, эсты, латыши, мордва, чуваша и т. д. – свободны. Среди крестьян встречаешь путешественников, которые говорят им о их положении; сельские священники также им его разъясняют. Доктрины многих сектантов заставляют их почувствовать свое положение, и убежища этих самых сектантов (скиты раскольнические) могут быть рассматриваемы в этом отношении как якобинские клубы. Кроме того шатающиеся по кабакам мелкие чиновники, в особенности выгнанные за дурное поведение, распространяют пагубные идеи среди крепостных, главари и подстрекатели коих находятся среди барской челяди. Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний, они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина¹. Они говорят между собой: “Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их”. В начале каждого нового царствования мы видим бунты, потому что народные страсти не довольствуются желаниями и надеждами. Так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства.

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 618–619)

ОТРЫВОК ИЗ “НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧЁТА” ЗА 1839 ГОД

При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства, издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян; вследствие этого происходят и в прошедшем году происходили в разных местах беспорядки, ропот, неудовольствия, которые угрожают хотя отдаленною, но страшною опасностью. Так и теперь, по поводу бракосочетания великой княжны Марии Николаевны в народе разнеслась весть, что крестьяне будут освобождены. Толки всегда одни и те же: царь хочет, да бояре противятся. Дело опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет пред сим. Подьячие, тысячи мелких чиновников, купечество и выслуживающиеся кантонисты, имеющие один общий интерес с народом, привили ему много новых идей и раздули в сердце искру, которая может когда-нибудь вспыхнуть.

В народе толкуют беспрестанно, что все чужезычники в России – чухны, мордва, чуваша, самоеды, татары и т. п. – свободны, а одни русские православные – невольники вопреки священному писанию. Что всему злу причиной господа, т. е. дворяне! На них сваливают всю беду. Что господа обманывают царя и клеветуют пред ним на православный народ и т. п. Тут даже подводят тексты из Священного Писания и предсказания по толкованиям Библии и предвещают освобождение крестьян, месть боярам, которых сравнивают с Аманом и фараоном². Вообще весь дух народа направлен к одной цели – к освобождению, а между тем во всех концах России есть праздные люди, которые разжигают эту идею, и в последние

¹ Прообразом легендарного Метелкина был, видимо, один из пугачёвских атаманов, действовавших на Волге, – Игнат Заметаев (Запрометов).

² Аман – упоминающийся в Библии жестокий придворный персидского царя; из фараонов, очевидно, имеется в виду тот, который, по библейскому преданию, своими жестокостями заставил евреев переселиться из Египта.

годы преследование раскольников вооружило и их против правительства так, что их скиты сделали центром этого зла. Там наиболее пророчеств и толков, основанных на Священном Писании. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же и что ныне составилась огромная масса беспоместных дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству. Благоустройство удельных крестьян и оказываемая им защита сильно подействовали на возбуждение еще большего омерзения к крепостному состоянию. В этом отношении обращают на себя внимание солдаты, уволенные в бессрочный отпуск. Из них хорошие остаются в столицах и городах, а по деревням расходятся люди большею частью ленивые или дурного поведения. Потеряв привычку к крестьянским трудам, не имея собственности, чуждые на родине, они возбуждают ненависть противу помещиков своими рассказами о Польше, остзейских губерниях и вообще могут вредно действовать на ум народа. Хорошие из бессрочно отпусковых не могут противодействовать вредному влиянию, потому что льстящее страстям мнение принимается охотно.

Мнение людей здравомыслящих таково: не объявляя свободы крестьянам, которая могла бы от внезапности произвести беспорядки, можно бы начать действовать в этом духе. Теперь крепостные люди не почитаются даже членами государства и даже не присягают на верность государю. Они состоят вне закона, ибо помещик может без суда ссылать их в Сибирь. Можно было бы начать тем, чтобы утвердить законом все существующее уже на деле (*de facto*) в хорошо устроенных поместьях. Это не было бы новостью. Так, например, можно было бы учредить волостные управления, сдачу в рекруты по жеребью или по общему суду старшин волости, а не по прихоти помещика. Можно было бы определить меру наказания за вины и подвергнуть крепостных людей покровительству общих законов; а что всего важнее, разделив Россию на полосы, по качеству почвы, климату и промышленному положению края, определить число рабочих дней на господина, по мере занимаемой крестьянином земли, и определить по той же мере оброк.

Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только будет мера спасительна, когда будет предпринята самим правительством, тихо, без шума, без громких слов, и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина, в том все согласны.

В середине России 12 губерний подверглись в минувшем [1839] году необыкновенному бедствию – пожарам и волнению народному. Начало этих беспорядков являет Симбирская губерния, где происходили значительные пожары в удельных имениях Сызранского и Сенгилеевского уездов. Пожары сии приписывались народною молвою поджогам.

Вслед за тем распространились слухи, что поджоги производят помещики для разорения своих крестьян, которые назначены быть вольными или отданными в приданое Ее Императорскому Высочеству великой княгине Марии Николаевне. Говорили о появлении покойного великого князя Константина Павловича³, о казни дворянам и наконец поверили, что поджигает правительство для переселения усадеб по новому плану.

Губернское начальство и свидетели ежедневных опустошений не сомневались, чтобы пожары происходили от умышленного зажигания. И действительно, подобные слухи и внушения ожесточили крестьян, потерявших доверие к помещикам и земским чиновникам, и были причиною буйства невероятного. Крестьяне, убежденные в том, что поджигают, кидались на первого, кто подавал сомнение, били и арестовывали сельских писарей, приказных голов, станowych приставов. Одного бурмистра избили и привязали к лошадиному хвосту. Исправника Корсунского уезда бросили в огонь. В помещичьих имениях происходило то же: один помещик жестоко избит, другой брошен в огонь вместе с управляющим отчиною.

³ Отречение от престола Константина Павловича (1779–1831) в пользу Николая I породило народную легенду, что Константин – защитник угнетенных.

Это самоуправство, многочисленные пожары и безнадежность урожая грозили гибельными последствиями. Все жители были в унынии.

Губернатор, объезжая все уезды с воинской командой, строго наказывал буйствовавших...

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 636–639)

ОТРЫВКИ ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ А. Г. СТРОГАНОВА О ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧИХ НА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ КУПЦУ РАСТОРГУЕВУ, А ЗАТЕМ КУПЦУ Г. ЗОТОВУ (1827 г.)

Находясь в заводах наследниц купца Расторгуева и обратив внимание свое на противозаконное управление оными, я не мог не вникнуть в жалостное состояние сих угнетенных крестьян, которое почитаю священной обязанностью представить в настоящем его виде, предполагая, что обнаружение злоупотреблений обратит внимание высшего правительства и послужит к облегчению участи как сих крестьян, так и других принадлежащих к заводам хребта Уральского, которые с давних времен нуждаются в правилах, точно и ясно определяющих взаимные обязанности заводчика и заводских людей в отношении исполнений работ и содержания работников.

Но прежде, нежели приступлю к объяснению нынешнего управления сими заводами, я должен коснуться прежнего управления Расторгуева и происшествия, случившегося в 1822 и 1823 годах, известного уже правительству и ныне представленному на рассмотрение Правительствующего Сената.

Служивший у откупщика Злобина сперва винопродавцем, а потом комиссионером по винным его откупам, купец Расторгуев в 1809 году от дворянина Демидова приобрел покупкою 5 железоделаемых заводов с 6 880 душами, которыми владел около 14 лет, не имел никакой другой цели, кроме корыстолюбия и умножения доходов посредством беспримерного угнетения и разорения людей. Заводы сии не имели определительных⁴ правил, правительством утвержденных, как в отношении к обязанностям рабочих людей, так и к производству им за работы плат, почему участь сих, несчастных зависела всегда от произвола и жестокости завододержателя, что и было единственною причиною первого расстройства и неповиновения их. Из числа мастеровых Кыштымского завода 54 человека в марте месяце 1822 г., являсь в Екатеринбург, принесли тамошнему местному начальству жалобу в том, что они, находясь с семействами своими во всегдашних работах, не получали ни провианта, ни денежного жалованья и, по случаю крайней дороговизны в то время хлеба, терпели совершенный голод (пуд муки ржаной продавали по 3 руб.). Но обнадеженные екатеринбургским начальством, что жалоба их доведена будет до высшего начальства, они все беспрекословно возвратились в Кыштымский завод.

В мае того ж года пермской берг-инспектор⁵, по предписанию г. министра финансов, производивший по сему обстоятельству исследование, удостоверился, что крестьяне сих заводов по причине малых плат, несоразмерных с дороговизной хлеба, и по задержанию даже оных, терпели крайнее изнурение и голод, что сверх того некоторые прикащики поступали с ними жестоко и бесчеловечно. В отвращение сих порядков, хотя берг-инспектор в то же время завододержателю Расторгуеву предписал, чтоб в удовлетворении людей платами и провиантом и в требовании работ руководствовался он штатом казенных Гороблагодатских заводов, как наиболее к производству и местным обстоятельствам тех заводов подходящим, но купец Расторгуев под разными предложениями уклонился от исполнения сего распоряжения, а тем самым вскоре довел заводских людей до такой крайности, что в конце 1822 года жалобы и слезы их превратились в дерзкие требования. Они вышли из повиновения, и уже одно при-

⁴ Точно установленных.

⁵ Берг-инспектор – председатель горного правления, высшее начальство горного округа.

сутствие войск могло водворить в заводах сих надлежащий порядок...

По смерти Расторгуева, вскоре за сим беспорядками случившейся, заводы поступили во владение двух его дочерей, находящихся в замужестве за купцами Харитоновым и Александром Зотовым. Наследники сии, чувствуя себя неспособными управлять оными, предложили отцу последнего, Григорию Зотову, управление сим именем.

...Со времени вступления Зотова в управление сим заводами добывание золота возросло до 50 пудов в год. Если же в сие время выковка железа мало увеличилась, зато усовершенствовалась своею выделкою. Ни заведение новых машин, ни особенные средства, заменяющие силы человеческие, не содействовали в том, но для увеличения доходов и ненасытного корыстолюбия стали работы возлагать без всякой соразмерности с силами человеческими, и вскоре за сим строгая взыскательность обратилась в жестокость и тиранство.

Золотые промысла были главным театром угнетения и жестокостей: более 2.000 человек, обращающихся в сей работе без различия пола и возраста, пригоняются туда из деревень за 120 и 160 верст, где находятся в отдалении от семейств своих, одни по несколько месяцев, а другие в продолжение почти целого года без отпуска в дома свои, и должны беспрерывно работать в дневную и ночную смену по 12 часов сряду, не исключая даже воскресных и праздничных дней, питаться самою скудною пищею – одним хлебом – и жить в тесных казармах, а по большей части в землянках и балаганах в самое зимнее время.

Мальчики с 12-летнего возраста употребляются при золотых промыслах в работах, подвергаются взысканию и нередко жестокому наказанию за малейшее неисполнение урочной работы наравне со взрослыми работниками. Но более еще достойны сожаления употребляемые на сии работы девки с 14 до 15-летнего возраста, отлученные от родительских домов и которые, несмотря на немощи и слабости, полу их свойственные, принуждены обращаться в работах вместе с мужчинами, жить с ними в одном тесном балагане, слышать сквернословие и видеть дурные примеры, а нередко по подозрению в похищении золота подвергаться обыскам, самым для их пола неприличным и оскорбительным.

При сих промыслах на каждого работника без различия пола или лет в смену 12 часов полагается промыть 50 пуд. золотосодержащего песку, и по числу людей требуется от каждой артели и фабрики назначенное количество золота. Если кто из смотрителей и нарядчиков не доставит требуемого количества, то сам подвергается строгому взысканию и наказанию, а потому сии последние всю жестокость обращают на работников, дабы принудить их к исполнению уроков и иметь средства доставлять требуемое от них количество золота. Смотритель, вырабатывающий более золота, не взирая на свою жестокость и бесчеловечие, всегда почитается правым и пользуется благорасположением попечителя Зотова.

Для понуждения работников на сих промывательных фабриках к выполнению столь тягостных уроков обыкновенные наказания розгами скоро показали недостаточными, за ними ввелись в употребление палки, ременные кнуты, и невзирая ни на лета, ни на пол, все, подвергались равным жестоким истязаниям. Двести и триста ударов палками до прибытия моего в сии заводы почиталось лишь понудительным средством к прилежной работе. Нередко наказанные таким образом не только не были в силах дотащиться до жилья своего, но не могли и подняться с места истязания.

Непрестанные побои по голове на заводах сих в большом употреблении, следствием того то, что наказываемые сим образом люди часто страждут головными внутренними и наружными болезнями. Таковые тиранские наказания отнимают у людей не только здоровье, но иногда и самую жизнь. В бытность мою в Кыштымском заводе однажды привезли туда с золотых промыслов одного крестьянина, который после жестоких побоев по голове упал на самом месте наказания и вскоре помер. Узнав о причине его смерти, а при том и о намерении предать тело его земле без следствия и медицинского свидетельства, требовал я, чтоб при мне вскрыто было тело; сим явно обнаружилась причина его смерти, а следствие подтвердило всю истину. До отъезду моего из Пермской губернии дело о сем было уже Екатеринбургским уездным судом решено и признан виновником прикащик, – какая невероятная деятельность и неслыханное в Пермской губернии правосудие! Но сколько прежде подобных

случаев сокрыто было под общим наименованием скоропостижной смерти? Не для того ли единственно в Соیمانовском руднике, где нет ни церкви, ни молитвенного дома, ниже постоянного жилья для работников, заведено кладбище, на котором хоронят скоропостижно умерших? Если человек от непримотра прикащиков на работе убивается, или от худого содержания, или от последствия жестоких наказаний умирает, в таком случае мгновенно посылается записка о сем к заводскому исправнику, который без дальнего рассмотрения принимает оную к сведению, и тело зарывается в землю.

Объяснив несчастное положение заводских людей, должно упомянуть здесь и отдать полную справедливость хозяйственному и примерному попечению относительно содержания фабрик, кузниц, магазейнов и конюшен для господских лошадей. Все строения сии находятся в лучшем устройстве, а люди при золотых промыслах, как сказано выше, живут в тесных казармах и балаганах, где переносят изнурение и голод. Все, что может увеличить добывание золота и доходы, корыстолюбивым и безжалостным попечителем придумано, предпринято и исполнено; но нигде не заметно следа отеческого и христианского попечения о благосостоянии людей, которых здесь можно смело сравнить по скудным платам за работы с каторжными, а по изнурениям – с неграми африканских берегов. Если со стороны управляющего нет ни внимания, ни сострадания к человечеству, то замечательна особенного рода заботливость в других вещах: острог всегда в исправности, а запас в розгах, палках и кандалах не уступит никакому каторжному заведению.

Из всех заводов в одном только Каслинском находится больница на 12 человек, а в двух других маленькие только аптеки. В Соیمانовских рудниках, где целый год обращается в работе более 2.000 человек обоего пола, нет ни больницы, ни аптеки. Изнуренный мастеровой и заболевшая девка должны тащиться чрез 40 верст, чтоб получить медикаменты, и чрез 80, чтоб найти пристанище, но и тут какого облегчения больной может ожидать от простого крестьянина, нисколько не знакомого с правилами врачебной науки, но которому, невзирая на все невежество его, заводским управлением дано наименование лекарского помощника! В руках его ключ аптеки вреднее еще, чем недостаток в столь обширных заводах хорошо устроенных убежищ для больных.

Хотя высшим правительством нередко командированы были чиновники в горные заводы для личного обозрения оных и положения заводских людей, но сколько по кратковременному пребыванию их в заводах, столько и потому, что со стороны заводчиков и управляющих предварительно предпринимаются в подобных случаях все меры предосторожности к сокрытию всего того, что бы вело к обнаружению настоящего положения заводских людей, чиновники и комиссии мало могли что-либо открыть в сем отношении, следственно мало и представляли полезных средств к прекращению беспорядков и злоупотреблений, столь сильно укоренившихся. Сей упрек касается единственно до тех чиновников, которые, прибыв на заводы с честным намерением быть полезными, из единственной неопытности дозволяли себя обманывать. Но нельзя не сожалеть, что и таковых, при всей их неисправности и неготовности для своих должностей, весьма невелико число, ибо большая часть ревизоров, приступая к исполнению возложенных на них обязанностей, обращает все внимание свое или на качества напитков, хранящихся в запасе у каждого прикащика, или на наличность экстраординарной суммы и, судя о состоянии крестьян, и управлении заводов по числу откупоренных бутылок шампанского или запечатанных пучков ассигнаций, из коих отделяется им часть, сообразно с обстоятельствами оправдывает заводчика, или делает выгодные о его управлении представления...

Флигель-адъютант полковник граф *Строганов*.
(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 619–623)

ОТРЫВКИ ИЗ ОТЧЁТА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ВОССТАНИИ НОВГОРОДСКИХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЯН В 1831 г.

...Поводом к возникшим в городе Старой Руссе и в округах военного поселения гренадерского корпуса беспорядкам послужили распространившиеся нелепые слухи, что относимая к появлению болезни холера смертность происходит от отравы и что начальники состоят в заговоре истребить посредством оной нижний класс народа, выдумав существование холеры для прикрытия своих замыслов.

...11 июля, по пробитии вечерней зари, нижние чины военнорабочего № 10 батальона схватили около своих бивуаков, находящихся близ Старой Руссы, проходившего по большой Крестецкой дороге для прогулки Киевского же гренадерского полка капитана Шаховского, подозревая его в рассылке яда, избили и связали его, после чего, вышед из повиновения к начальству, вооружились кольями и бросились с неистовым криком в город вслед за шедшим туда каким-то человеком, коего тоже подозревали в отраве.

Тогдашний военный полицеймейстер майор Манджос, узнав о намерении мятежников вторгнуться в город, собрал полицейскую команду и приглашал обывателей к отражению бунтовщиков силою, но чиновник сей, ненавидимый за излишнюю строгость его и подозреваемый, как и все вообще начальники, в заговоре, встретил в жителях к мерам своим совершенное равнодушие. Одной же полицейской команды для удержания бунтовщиков было недостаточно, почему, видя собственную опасность, скрылся в сад одного обывателя. Между тем при звоне в набат, произведенном, как жители утверждают, по приказанию его же, Манджоса, поднялся весь город, все улицы стали наполняться чернью, которая, питая в разгоряченном своем воображении мысль об отраве и узнав о приближении людей 10-го рабочего батальона, бросились для соединения с ними; после того, видя безначалие, мятежники в совокупности предались неистовствам всякого рода, начав оные убийством вышедшего для убеждения их генерал-майора Мевеса, городского лекаря Вейгнера и отыскиванию в саду полицеймейстера Манджоса.

Далее, разбив дома чиновников, подозреваемых в заговоре, и городскую аптеку, нанесли жестокие побои некоторым полицейским чиновникам; потом, образовав на городской площади среди буйной толпы свое безумное судилище, они приводили к оному отыскиваемых повсюду чиновников и муками исторгали от них подписки о существовании будто бы заговора на отраву людей и о соучастии якобы их в оном.

Сии злодейства продолжались во всю ночь до позднего утра следующего дня (12 июля), не встречая никакого сопротивления.

При таком безначалии призван был благонамеренными обывателями средством к прекращению беспорядков крестный ход, предпринятый из Спасо-Преображенского монастыря архимандритом Серафимом, в сопровождении всего духовенства; причем на той же самой площади, где произведены были убийства, совершено молебствие. Но и сие средство не было в полной мере достаточным к утешению мятежа: правда, что убийства прекратились, но бесчинствующая чернь принудила самого архимандрита с прочими духовными чинами подписаться под показанием изувеченного штаб-лекаря Богородского в том, что он имел у себя ящик с ядовитыми веществами.

Известие о возникших беспорядках в Старой Руссе достигло до лагеря поселенного гренадерского корпуса, и того же 12 числа начальник округов 2-й Гренадерской дивизии генерал-майор Леонтьев, составив сводный карабинерный батальон, послал оный под командою майора Ясинского в означенный город для водворения спокойствия. Меры, принятые майором Ясинским, по прибытии его в город, ночью на 13-е число, восстановили тишину и уважение к законной-власти: он немедленно рассеял преступное скопище мятежников, собравшихся в городской думе под предлогом учреждения порядка, и взял под свою защиту изувеченных и закованных в железа чиновников.

Слух об открытом будто бы в городе Старой Руссе заговоре местного начальства насчет отравления простого народа быстро сообщился соседственному округу Киевского гренадерского полка, в коем так точно, как и везде, все умы были уже в волнении по поводу прежних

неблагоприятных слухов. Округ сей, имея пример буйства, совершенного, так сказать, перед глазами его, последовал оному с невероятной скоростью: 12-го же числа поселяне повлекли двух ротных командиров своих в город Старую Руссу пред судилище мятежников.

На 13-е число совершилось первое убийство в округе принца Евгения Виртембергского полка, и в продолжение сего же числа мятеж, сопряженный с истязаниями и убийствами начальников и других лиц, распространился по округам Артиллерийской дивизии, 3-го и 4-го карабинерных полков, ибо бунтовщики, впадшие в преступление, старались распространением зла увеличить число своих соучастников.

В продолжении ночи 12-го числа июля и следующего дня город Старая Русса, не взирая на прибытие из лагеря (13-го числа) генерал-майора Леонтьева с двумя батальонами гренадер и 4-мя орудиями, представлял еще по временам плачевное позорище: поселяне Киевского, Виртембергского и 4-го карабинерного округов препровождали сюда для предания мятежническому судилищу (в предположении, что оное еще существует) захваченных ими и изувеченных начальников своих и разных особ, кои все были от них отбираемы и поступали под охранение законной власти; с 13 числа по 19 спокойствие в городе уже нарушаемо не было, кроме того только, что подавал опасение военно-рабочий № 10 батальон и две буйствующие роты Киевского округа...

...Безрассудная чернь, верившая уже носившимся слухам о заговоре, ожесточаясь после сего еще более на своих начальников (из коих один был уже ею убит), усугубила истязания, возмутила округ военных работников и совокупно с некоторыми нижними чинами 5-го и 6-го военно-рабочих батальонов 17-го июля сделала нападение на лагерь поселенного гренадерского корпуса, причем умерщвлены в истязаниях полковник Нейман и майор Маковский. Конец неистовствам здесь положен был прибытием к вечеру того же числа резервного батальона Саратовского пехотного полка.

...18-го числа утром открылось возмущение в округе наследного принца Прусского, а вечером того же дня буйные толпы мятежников округа короля Прусского полка, отыскивая спасавшихся бегством своих начальников, внесли пламя мятежа в округ графа Аракчеева полка, где с привлеченными ими поселянами сего округа бросились отыскивать батальонного и ротных командиров, и после истязаний совершены главные убийства в продолжение ночи 18-го числа.

Девятнадцатого же бунтовавшие поселяне графа Аракчеева полка, вновь собравшись, довершили злодейства свои убийством оставленных еще в живых офицеров...

...С 19-го числа июля в городе Старой Руссе снова оказались беспорядки. Подозрение о существовании заговора, вера к отравлению перешла к нижним чинам резервных батальонов 2-й гренадерской дивизии, и посему 19-го числа оказался дух неповиновения к распоряжениям начальства в батальоне Киевского гренадерского полка, а 21-го числа мятежная толпа поселян Киевского округа и часть военно-рабочего № 10 батальона ворвались в город и совершили среди дня пред фронтом войск новые убийства и истязания. В продолжение таковых беспорядков начальник округов 2-й гренадерской дивизии генерал-майор Леонтьев, оказав к злодеям неуместное снисхождение и отвергнув средства удержать законный порядок силою оружия, сделался жертвою своей нерешительности.

На следующий день (22 июля) мятеж возобновился с большим ожесточением в округе принца Павла Мекленбургского полка, быв поддержан вероломством резервного батальона, и непосредственно за сим сообщился округу Екатеринославского гренадерского полка.

В то же время и именно 19-го июля в округе короля Прусского полка некоторые злонамеренные предпринимали усугубить злодеяния свои нападением на Новгород, под предлогом, что город сей тоже взбунтовался и просит помощи от поселян, – настоящая же цель была истребить в нем начальство, но провидение не допустило совершить сего.

Среди самих же мятежников нашлись такие, кои, признав сие предприятие пагубным, старались о уничтожении оного и оставили без действия.

Дух возмущения повсюду был одинаков; совершаемые злодейства над начальниками, безумства почитали праведным возмездием за то, что они якобы позволили подкупить себя и

что вступили в заговор на жизнь их. Отрицание с их стороны принимали за упорство и, ожесточаясь, еще более усиливали истязания, чтобы вынудить сознание в заговоре, причем искали по всем местам ядовитых веществ, быв в полной уверенности, что оные должны быть у лиц, подвергаемых истязаниям, которым предаваемы были не одни офицеры, но и нижние чины всех званий, не исключая рядовых и даже жен их, подававших, по мнению ослепленных, подозрение на себя в отраве, а сие уже самое служит неоспорным удостоверением, как выше сказано, что предварительного заговора на убийство начальства, ни посторонних подстрекательств к мятежу не было.

Некоторые неистовства и грабежи произведены вне округов военного поселения. Они были следствием того же волнения умов, ибо мятежники округов, коих начальники успевали скрыться от их бешенства, отыскивая оных, разъезжали по окрестностям и при таковых поездках естественно происходили всякого рода беспорядки в соседственных помещичьих имениях.

Невозможно определить, до какой степени могли бы распространяться бесчинства, производимые в том мнении, что оными отвращается зло, угрожающее всеобщей гибелью, но коль скоро сделались они известны высшему правительству, то мудрые оного меры положили конец дальнейшим неистовствам. Меры сии, с поспешностью и точностью приведенные в действия, восстановили совершенно законный порядок.

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 623–627)